

На правах рукописи

王 天 佳

ВАН ТЯНЬЦЗЯО

**МОДЕЛИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР
В ЯЗЫКОВОМ ВОПЛОЩЕНИИ
ЭТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ «ДОБРО» И «ЗЛО»
В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ**

Специальность 10.02.01 — русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Нижний Новгород — 2021

Работа выполнена на кафедре современного русского языка и общего языкознания ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им.Н.И. Лобачевского»

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
профессор
Радбиль Тимур Беньюминович

Официальные оппоненты:

Киров Евгений Флорович, доктор филологических наук, профессор, ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет», кафедра русского языка и методики преподавания филологических дисциплин Института гуманитарных наук, профессор

Шарандин Анатолий Леонидович, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», кафедра русского языка факультета филологии и журналистики, профессор

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Защита состоится 17 июня 2021 г. в 14 2 на заседании диссертационного совета Д 999.061.03, созданного на базе ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина», ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева», по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» по адресу: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 — и на сайте <http://diss.unn.ru>

Автореферат разослан 3 апреля 2021 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Юхнова Ирина Сергеевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено лингвокогнитивному анализу моделей концептуальной метафоризации этических концептов «добро» и «зло» в русской фразеологии и паремиологии.

В центре современных исследовательских стратегий находится изучение концептов как сложных лингвокультурных феноменов, отражающих не только культурные представления народа, но и специфику его мировосприятия и мировоззрения, функционирования психологических единиц, принимающих участие в разных видах ментальной деятельности и конструирующих понятийную (концептуальную) систему человека. В этой связи изучение базовых этических концептов «добро» и «зло», важнейших для понимания особенностей русской национальной культуры, воплощенных в русских фразеологизмах и поговорках, занимает особое место в лингвокультурологических исследованиях.

Несомненно, что концепты «добро» и «зло», наряду с другими концептами подобного типа, входят в русскую языковую картину мира этноса, являясь ее необходимой составляющей. Эти понятия во многом обуславливают специфику русского народа, его нравственно-ценностную оценочную систему и ментальность.

Поэтому изучение моделей концептуальных метафор добра и зла в большой степени помогает нам, особенно носителям других языков, понять специфику русской «наивной этики», особенности отражения представлений о добре и зле в языковом сознании русского народа. Важно увидеть также особенности функционирования представлений о добре и зле именно в русской фразеологии и паремиологии, где отражаются приметы повседневной жизни народа, его ценности и когнитивные механизмы осмысления действительности. В связи с этим не вызывает сомнения необходимость исследования моделей концептуальных метафор для концептов «добро» и «зло» в их языковом воплощении в русских фразеологизмах и поговорках.

Актуальность исследования обуславливается особой научной и культурной значимостью этических концептов «добро» и «зло» в русской языковой картине мира этноса, являющихся прототипическими концептами в числе многообразных представлений о нюансах человеческих отношений, в рамках антропоцентрического и когнитивно-ориентированного подхода, востребованного в современной науке о языке.

Объектом исследования является этическое сознание русского народа в его языковом воплощении. Непосредственным **предметом исследования** служат модели концептуальных метафор фразеологической и паремиологической репрезентации этических концептов «добро» и «зло» в русской языковой картине мира.

Цель исследования — лингвокогнитивное описание моделей концептуальных метафор этических концептов «добро» и «зло», отраженных в русских фразеологизмах и поговорках с компонентами «добро» и «зло» и с другими компонентами соответствующей семантики, через призму познания национальной и культурной специфики нравственной составляющей русской языковой картины мира.

Вышеуказанная цель предполагает решение следующих **задач исследования**:

1) Охарактеризовать научное понятие «концепт» в историко-научном и теоретическом освещении, выработать его определение и выявить особенности его классификации, устройства и функционирования;

2) Раскрыть теоретические принципы описания концептуальной метафоры в современной парадигме лингвистического когнитивизма; осветить метафорические и метонимические механизмы когнитивного моделирования в стратегиях когниции;

3) Рассмотреть особенности когнитивного моделирования во фразеологии и паремиологии;

4) Дать теоретическое освещение проблематики описания «языков этики» в истории науки о языке и в современной лингвокультурологии;

5) Выявить специфику фразеологического и паремиологического представления этической составляющей русской языковой картины мира;

6) Проанализировать модели концептуальных метафор и метонимий в языковом представлении концепта «добро» в русских фразеологизмах и поговорках;

7) Проанализировать модели концептуальных метафор и метонимий в языковом представлении концепта «зло» в русских фразеологизмах и поговорках.

Материалом для исследования послужили языковые данные фразеологических и паремиологических словарей русского языка. В качестве текстового иллюстративного материала по речевой реализации когнитивных моделей, во-

площенных в фразеологизмах и поговорках, используются контексты, извлеченные методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка.

Объем обследования материала. В работе проанализировано около 180 вариантов и вариаций фразеологизмов, пословиц и поговорок с семантикой добра или зла в пределах 50 репрезентативных контекстов употребления, полученных методом сплошной выборки из иллюстративного материала к словарям и других источников.

Степень изученности вопроса. Понятия «добро» и «зло» как ключевые концепты этического характера имеют значительную традицию исследования в разных сферах науки и культуры — в философском, религиозном, художественном, публицистическом дискурсах, в разных направлениях гуманитарного знания (психологии, культурологии, литературоведении, лингвистике и пр.) на протяжении более чем тысячи лет. Назовем таких философов, как Платон, Аристотель, Дж. Локк, Б. Спиноза, Д. Юм, И. Кант, Дж. Мур, И. Бентам, Дж. Милль, Г. Сиджуик, Р. Хэр, Б. Рассел, А. А. Ивин, Г. Ч. Гусейнов и др.

Однако собственно лингвистическое изучение этических концептов типа *добро* и *зло* началось сравнительно недавно, в первой половине XX в., прежде всего в рамках аналитической философии — в трудах Дж. Э. Мура [Мур, 1984; 1993; 1999]. В наше время в рамках проблемной группы «Логический анализ языка» выработано целое направление изучения языков этики [Арутюнова, 2000]. Этической оценке посвящена научная работа Т. В. Писановой [Писанова, 1997], и научная работа Л. И. Ермоленкиной [Ермоленкина, 2002]. Что касается конкретного этического концепта «добро», то проблема его эволюции в языковой картине мира русского народа занимается У Мэн [У Мэн, 2017], также отметим фрагмент исследований в рамках ключевых идей русской языковой картины мира — о внимании к нюансам человеческих отношений [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005].

В современной лингвистике, в том числе и в когнитивной лингвистике востребованным является когнитивный подход к исследованию фразеологизмов (и поговорок), который применяется в трудах А.П. Бабушкина [Бабушкин, 1996], В. И. Карасика [Карасик, 2002], О. Г. Хабаровой [Хабаров, 2004], Е. Г. Беляевской [Беляевская, 2005], А. М. Мелерович [Мелерович, 2008], Л. Г. Золотых [Золотых, 2008], С. В. Буренкова [Буренков, 2009], С. Г. Воркачев [Воркачев, 2010] и др. Фразеологизмы как материал для исследования в теории концептуальной метафоры рассматривали Дж. Лакофф и М. Джонсон [Lakoff,

Johnson, 1980], В. Н. Телия [Телия, 1988], М. Блэйк [Blake, 1990], С. Глюксберг [Glucksberg, 1993, 2001], М. Леворато [Levorato, 1993], Z. Kovecses, P. Szabco [Kovecses, Szabco, 1996], G. Horn [Horn, 2003], Г. Н. Складарская [Складарская, 2004], М. Свенсон [Svensson, 2008] и др.

В целом отметим, что по предлагаемой исследовательской программе лингвокогнитивного описания этических концептов модели концептуальных метафор для концептов «добро» и «зло» в русских фразеологизмах и поговорках еще не исследовались в отечественных и зарубежных научных работах.

Таким образом, *научная новизна исследования* состоит во введении в научный оборот нового предмета и материала для научного анализа, а именно – рассмотрения традиционного арсенала нравственных понятий в фразеологии и поговорологии русского языка в аспекте когнитивно ориентированной теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

Теоретическая значимость исследования. Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что работа вносит значимый вклад в уточнение теоретического понимания особенностей фразеологической и поговорологической репрезентации этических концептов, а также основных принципов методики концептуального анализа базовых русских культурно значимых этических концептов.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы в вузовских курсах преподавания лексикологии и фразеологии современного русского языка, в преподавании русского языка как иностранного, в спецкурсах и спецсеминарах по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике, а также в составлении словарей нового типа – словарей концептов и лингвокультурных тезаурусов.

Методологической основой исследования выступают идеи и положения когнитивно ориентированной теории языковой концептуализации мира, заложенные в работах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, В.З. Демьянкова, Е.С. Кубряковой, И.А. Стернина, З.Д. Поповой, А.Н. Бабушкина, Т.Б. Радбиля и др., базовые научные технологии лингвокультурологического исследования, представленные в трудах С.А. Аскольдова, Д.С. Лихачева, В.В. Воробьева, В.И. Карасика, С.Г. Воркачева, В.Н. Телия и др., принципы когнитивно-метафорического моделирования концептов в трудах Дж. Лакоффа, М. Джонсона, З. Ковезеша, Р. Гиббса, Ван Янь и др.

Методы и методики исследования. В работе использован метод традиционного лингвистического описания и методика концептуального анализа метафорических когнитивных моделей. Также используются методы этимологического анализа, методы компонентного анализа лексики (для выявления лексико-семантических инвариантов и семантических компонентов значения), методы фразеологического анализа для обнаружения специфики функционирования этических концептов в фразеологических и паремиологических единицах.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Максимально полное описание форматов знания, стоящих за языковым воплощением русских этических концептов ДОБРО и ЗЛО в фразеологии и паремиологии, необходимо осуществить с использованием научного инструментария теории концептуальных метафор и научной технологии когнитивно-метафорического моделирования.

2. Понятие концептуально-метафорической модели и соответствующая ему методика лингвокогнитивного анализа может быть успешно применена к анализу специфики фразеологической и паремиологической репрезентации русских этических концептов ДОБРО и ЗЛО. Модели концептуальной метафоризации и метонимизации этических концептов «добро» и «зло», воплощенные в русских фразеологизмах и поговорках с моральной семантикой добра и зла, являются важными лингвокогнитивными механизмами отображения в порождаемых высказываниях той или иной концептуальной схемы, или когнитивной ситуации.

3. В русских фразеологизмах и поговорках, включающих этические концепты *добро* и *зло*, отражаются определенные форматы знания о мире, модели языковой ментальности, способы видения абстрактных понятий через конкретно-чувственный опыт их переосмысления.

4. Для фразеологической и паремиологической репрезентации русского этического концепта ДОБРО характерны метафорические модели олицетворенного представления добра как реального конкретного предмета (объекта, вещи, сущности, вещества), в том числе и специфицированного со своими признаками (характеристиками, функциями, атрибутами): драгоценных веществ, имущества, денег, мозоли, горы, товаров, продуктов духовного творчества и предметов с особым запахом, одушевленного представления добра как живого существа: растения, человека, матери, пространственно-ориентированного представления добра как правильного направления, пространственного пред-

ставления добра как предела, конкретизированного представления добра как реальных действий «распростертое объятье» и «отдать последнюю рубашку», представления добра как дружбы и долга, и одушевленного представления добра как божества: Ангела-хранителя и Бога, а также метонимические модели, в которых концепт «добро» представлен в виде качественного атрибута *добрый*, в виде большого сердца и в которых самый концепт «добро» обозначен через призму его составляющих: доброго духа, доброй воли, доброго человека, доброго дела, добрых слов, добрых чувств, доброго характера и пр.

5. Для фразеологической и паремиологической репрезентации русского этического концепта ЗЛО характерны метафорические модели овеществленного представления зла как реального конкретного предмета (объекта, вещи, сущности, существа), в том числе и специфицированного предмета с конкретной характеристикой (функцией, признаком, свойством): плода (испорченного яблока), испорченной еды, контейнера, товара, неценного предмета, острого предмета, денег, представления зла как горячей жидкости (воды), пространственно-ориентированного представления зла как неправильного направления (движения), дурного места и гладкой поверхности (льда), и одушевленного представления зла как живого существа: зверя, волка, собаки, медведя, змеи, проигравшего, растения (дурных плодов) и пр., мифологического представления зла как сверхъестественных существ: дьявола и Сатаны, и конкретизированного представления зла как образа физического действия. Также выявлены метонимические модели, в которых концепт «зло» обозначен через призму его составляющих: злого человека, злой воли и злого дела.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования изложены в ряде научных статей, докладов и тезисов. Работа прошла апробацию на следующих международных конференциях: Международный конгресс по когнитивной лингвистике (Нижний Новгород, 2019 г.); XIV Конгресс МАПРЯЛ «Русское слово в многоязычном мире» (Нурсултан, 2019 г.); Международная научная конференция «Китайская лингвистика и синология» (Москва, 2019 г.); XLVIII Международная филологическая научная конференция (Санкт-Петербург, 2019 г.); Международная научная конференция «Русистика в XXI веке: тенденции и направления развития» (Ереван, 2019 г.); II международная научно-практическая конференция «Вариативность и стандартизация языкового образования в неязыковом вузе» (Нижний Новгород, 2019 г.); V всероссийская научно-практическая конференция с меж-

дународным участием «Языковые единицы в свете современных научных парадигм» (Уфа, 2020 г.); Международная научно-практическая конференция «Innovative processes in humanities and education (IPHE – 2020)» (Москва, 2020 г.); Международная научно-практическая конференция «Проблемы и перспективы современной гуманитаристики: педагогика, методика преподавания, филология» (Андижан, 2020 г.); Международная научно-практическая конференция «Язык – как основа духовно-исторической общности, единства и идентичности российской нации» (Красноярск, 2020 г.). Исследование обсуждалось на аспирантском семинаре кафедры современного русского языка и общего языкознания и на кафедре современного русского языка и общего языкознания ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка. Библиографический список состоит из двух частей: научная и научно-методическая литература (241 наименование, из которых — 104 на иностранных языках), фразеологические и паремиологические словари (12 источников). Общий объем исследования составил 180 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определяются актуальность, объект, предмет и материал исследования, цель и задачи работы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, вынесенные на защиту.

В первой главе исследования «Теоретические основы описания этических концептов через призму моделей концептуальной метафоры» последовательно рассматриваются теоретические проблемы изучения концепта в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, концептуальной метафоры в современном гуманитарном знании и лингвокогнитивного описания этических концептов.

В главе показано, что одним из наиболее репрезентативных источников знаний о культуре этноса, воплощенной в фактах языка, является фразеология и паремиология, в которых не только запечатлена народная мудрость, отражены реалии быта и приметы обычаев и нравов, но и выражены ценностные ориентиры этноса, его шкала нравственных ценностей, его представления о мире и пр. И за всем вышеуказанным стоят различные когнитивные модели концептуаль-

ных метафор и метонимий, которые используются в качестве познавательных инструментов для понимания человеком окружающей среды и самого себя.

В результате была обоснована концепция настоящего исследования, в которой этические концепты «добро» и «зло» рассматриваются как концепты базового уровня категоризации в иерархии этики, и на этой основе выявляется структура концептуального представления о добре и зле в русской языковой картине мира этноса.

Во второй главе **«Этические концепты «добро» и «зло» в русской фразеологии и паремиологии в свете когнитивного моделирования»** анализируются разные когнитивные модели концептуальных метафор этических концептов «добро» и «зло» по данным русской фразеологии и паремиологии.

В разделе 2.1 освещаются особенности когнитивного моделирования этического концепта «добро» в русской языковой картине мира. Основными когнитивными стратегиями (способами, механизмами, методами), служащими в качестве конкретного воплощения когнитивного моделирования добра в языковом сознании носителей языка, являются концептуальные метафоры и метонимии. Они последовательно рассматриваются по данным фразеологии и паремиологии (соответственно, в подразделах 2.1.1 и 2.1.2).

В подразделе 2.1.1 анализируется два типа фразеологических единиц, в которых репрезентирован концепт «добро»: (1) фразеологизмы, непосредственно включающие лексему *добро* и ее падежные формы, а также однокоренные слова на базе *добро*; (2) фразеологизмы, не включающие само слово *добро* и его однокоренные слова, но имеющие совокупное фразеологическое значение, которое связано с разными аспектами представления о добре.

Сначала, в соответствии с концепцией исследования, было проанализировано 5 моделей концептуальных метафор в фразеологизмах, включающих слово *добро* и его однокоренные слова.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель овеществления абстракции (реификации) этического концепта «добро» (*добром не кончится* и под.), которая отражает тот факт, что люди проецируют знание о реальных вещах и предметах, полученное из опыта посредством своих сенсомоторных органов в процессе интеракции между окружающей средой и человеком, на абстрактный этический концепт «добро», чтобы легче представить себе суть этого понятия. Поэтому содержательные особенности концепта

«реальные сущности» применяются именно к описанию этического концепта «добро» через призму данной когнитивной модели.

Вторая когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это модель представления добра как предела (*не доводить до добра, добром не кончится* и под.). Здесь нужно сразу отметить, что в идиоме *не доводить до добра* идея предела реализована в пространственном плане, а в идиоме *добром не кончится* идея предела реализуется во временном плане. В связи с этим в модели концептуальной метафоризации «добро есть предел» исходным доменом является пространственный предел с позитивным знаком, к которому надо стремиться, но которого обычно довольно трудно достичь на основе того, что можно свернуть с пути.

Третья когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель одушевления этического концепта «добро» (*добро должно быть с кулаками* и под.). Добру в этом случае могут быть приписаны свойства, в норме присущие живому, целенаправленно действующему существу, чаще всего — человеку. Так, например, человеку как существу социальному присущи многие характеристики, например, такая, как возможность защищать свои права, отстаивать свою позицию. Это мы видим в идиоме *добро должно быть с кулаками* — добро, как человек, защищает кулаками свои права от зла.

Четвертая когнитивная модель — это пространственно ориентированная концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «добро» как правильного направления (*добром не кончится* и под.). В фразеологизме *добром не кончится*, на самом деле, отображен такой эмпирический факт, что движение субъекта производится по неправильному направлению, которое не ведет его к положительному результату. Несомненно, что на основе опыта повседневной жизни человека, присущая человеку способность стремиться к лучшему по правильному направлению подсознательно проникла и в переосмысление абстрактных концептов типа добра.

Пятая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель канализации этического концепта «добро» (*помянуть добром* и под.). В идиоме *помянуть добром* не только отражена идея ‘хорошо говорить о ком-л., сделавшем добро’, но и в неявном виде запечатлено одно метонимическое сужение «добро → доброе слово». Все это в высшей степени характерно для пятой когнитивной модели, т.е. концептуальной метафоры «добро есть канал связи»,

посредством которой идея ‘добрые слово’ может передаваться с человека к человеку (в данном случае — с говорящего к слушающему).

Далее, в соответствии с концепцией исследования, было проанализировано 6 моделей концептуальных метафор в фразеологизмах, не включающих лексему *добро*, но имеющих соответствующую фразеологическую семантику.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель одушевления этического концепта «добро» (*ангел во плоти* и под.). Добру в этом случае приписаны свойства, в норме присуще сверхъестественным существам, чаще всего — божеству: ангелу-хранителю и Богу. В православной религии самой важной задачи ангела-хранителя и Бога в качестве покровителей и защитников человека является опека, сбережение человека, поэтому когнитивно-семантические признаки и отношения, которые применяются к описанию ангела-хранителя и Бога, проецируются на понимание добра и отображаются в семантике этих фразеологизмов.

Вторая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «добро» как жидкого вещества (субстанции) (*чистая душа*). В русской ЯКМ душа рассматривается как внетелесная часть человеческой ипостаси: так, в мире русских моральных представлений человеком вообще невозможно называться, если нет души. Поэтому можно сказать, что данная концептуальная метафора «добро есть чистая вода» по сути своей является интегрированной когнитивной моделью на базе нескольких когнитивных моделей: модель представления добра как человека, модель обозначения человека через его душу и модель представления души как воды. Эти модели, таким образом, создают когнитивно-метафорическую цепочку этического концепта «добро».

Третья когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «добро» как конкретного когнитивного действия (*принимать с распростертыми объятьями* и под.). В категории этического концепта «добро» представлены когнитивно-семантические признаки, особенности языкового воплощения, субъективные ассоциации, соотношения между составляющими элементами и пр., самыми простыми из которых являются разные конкретные действия, особым образом репрезентирующие концепт «добро» в повседневном жизни и реализованные при этом в фразеологизмах типа *принимать (принять) с распростертыми объятьями, рубашку с плеч отдать*.

Четвертая когнитивная модель, которая является субмоделью третьей, — это модель представления этического концепта «добро» как конкретного действия «распростертое объятье» (*с распростертыми объятьями*). Нет сомнения, что одним из конкретных кинетических воплощений добра в действительности являются распростертые объятья, которые могут не только дать другим людям поддержку, но и принести им психологическое удовлетворение. В этой связи «распростертые объятья» выступает в качестве прототипического образа для обозначения концепта «добро».

Пятая когнитивная модель, которая является субмоделью третьей, — это модель представления этического концепта «добро» как конкретного действия «отдать рубашку с плеч» (*рубашку с плеч отдать*). Данная модель обычно реализуется с позиции постороннего наблюдателя, тогда как вышеперечисленные модели реализуют свою этическую направленность с позиции либо адресата, либо адресанта.

Шестая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель рассмотрения добра как дружбы (*не в службу, а в дружбу*). Возможность рассмотрения добра как дружбы связана с семантикой идиомы *не в службу, а в дружбу*, которая употребляется, когда просят оказать услугу, исходя из добрых чувств по отношению к просителю.

Затем было рассмотрено 4 когнитивные модели концептуально-метонимического представления этического концепта «добро», отображенных в русских фразеологизмах, включающих компонент *добро*.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель атрибуции концепта «человек» посредством перифрастического описания по схеме «прилагательное + существительное» (*доброе сердце* и под.), где прилагательным выступает *добрый*, а существительным — часть человека или его стандартная субституция (характеризующая номинация — типа *малый, гений* и пр.). Таким образом, в качестве субконцепта для концепта «человек» выступает представление «добрый человек», которое реализовано в позитивно-оценочных фразеологизмах: *доброе сердце, добрый гений, люди доброй воли, добрая душа, от доброго сердца*.

Вторая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель атрибуции внешней среды (пространственных и временных характеристик) посредством привнесения в данную концептуальную схему этической характеристики (*в добрый час*). В русской ЯКМ не только человек, но и простран-

ство и время могут быть добрыми — благополучными, удачными, успешными с позиции человека. Так, например, определенный временной период для человека может быть расценен как *добрый*, если в это время человек добился каких-либо достижений, успехов.

Третья когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель атрибуции понятия «основа / основание» абстрактного типа через призму привнесения в данную концептуальную схему этического признака (*доброе начало*). В русской ЯКМ основа (основание), как и пространство и время, может быть добрым — надежным, успешным и хорошим с позиции человека. К данной модели примыкает близкая по смыслу модель «добро есть основа / основание всего», потому что добро в абсолютном большинстве случаев приносит не только другим, но и себе удовольствие, счастье и также хорошесть.

Четвертая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель атрибуции концепта «божество» посредством перифрастического описания по схеме «прилагательное + существительное» (*добрый дух*), где прилагательным выступает *добрый*, а существительным — подкатегория (типичный член) концепта «божество», т.е. *дух*. К категории «божество» отнесены не только высшие сущности А, которые оказывают людям помощь в той или иной ситуации и даже приносят им пользу и удовольствие, но и высшие сущности Б, которые наносят людям материальный и психологический ущерб, физический и ментальный вред. В этой связи в рамках божества высшие сущности А наименуются как добрые духи, а высшие сущности Б — злые духи.

На следующем этапе, в соответствии с логикой исследования, было проанализировано 3 когнитивные модели концептуально-метонимического представления этического концепта «добро», отображенных в русских фразеологизмах, не включающих компонент *добро*.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения целого (добротного человека) по его части (большого сердца) (*большое сердце*). В русской ЯКМ тот факт, что голова ассоциируется с рациональностью, а сердце имеет теснейшую связь с эмоциональностью, дает нам возможность сказать о человеке, у кого есть большое сердце, как о благородном, великодушном и добром человеке. Тот, у кого имеется большое сердце, оказывается заботливым и добрым человеком, приносящий другим радость.

Вторая когнитивная модель — это обратная первой концептуально-метонимическая модель обозначения прототипа (части) посредством целого

(*пора (надо) и совесть знать* и под.). Мы знаем, что в когнитивной категории «совесть» прототипами являются этические концепты «добро» и «зло», поэтому категория «совесть» представляет собой метакатегорию для них и способна вмещать их не только в познавательной системе человека, но и в языковом воплощении.

Третья когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения целого (добра) через призму его части (добрых отношений) (*не в службу, а в дружбу*). Возможность рассмотрения добра как дружбы связана с семантикой идиомы *не в службу, а в дружбу*, которая употребляется, когда просят оказать услугу, исходя из добрых отношений в связи с просителем.

В целом отметим, что в ходе описания когнитивных моделей концептуальной метафоризации и метонимизации этического концепта «добро» в русских фразеологизмах мы получаем возможность говорить о национальной специфике некоторых представлений о добре. Это прежде всего метафорические модели овеществленного представления добра как конкретного реального предмета, в том числе и специфицированного предмета с конкретными функциями, одушевленного представления добра как живого существа и как божества, пространственно ориентированного представления добра как правильного направления и как предела, представления добра как канала связи, представления добра как жидкого вещества, конкретизированного представления добра как реальных действий, и представления добра как дружбы. В метонимических моделях концепт «добро» не только представлен в виде качественного атрибута *добрый* и в виде большого сердца, но и обозначен через призму его составляющих типа *добрых отношений* и пр.

В подразделе 2.1.2, как и в предыдущем подразделе 2.1.1, анализируется два типа паремиологических единиц, соответственно, включающих саму данную лексему в свой состав или нет.

Сначала, в соответствии с концепцией исследования, было проанализировано 19 моделей концептуальных метафор в паремиях, включающих слово *добро* и его однокоренные слова.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель овеществления абстракции (реификации) этического концепта «добро» (*Делай добро и жди добра* и под.).

Вторая когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это модель представления добра как реального предмета со специфицированными

функциями (атрибутами, характеристиками, признаками) (*От добра добра не ищут* и под.).

Третья когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления добра как товара (*Кто добро творит, тому Бог оплатит* и под.).

Четвертая когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления добра как денег (*За добро плати добром* и под.).

Пятая когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления добра как подарка (*Хорошо тому добро дать, кто помнит* и под.).

Шестая когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления добра как продукта духовного творчества (*Добро творить – себя веселить* и под.).

Седьмая когнитивная модель, являющаяся субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления добра как конкретного предмета со специальным запахом (*Сердце вещун: чует добро и худо*).

Восьмая когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления добра как простого понятия «вещи легче воздуха», воплощенная в русской поговорке *Добро кверху, а худо ко дну*.

Девятая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «добро» как удобрения (*Не от добра дерево листья роняет*).

Десятая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «добро» как ярма (*До добра, как до ярма, до зла, как до меду*).

Одиннадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель одушевления этического концепта «добро» (*Добро не лихо: бродит по миру тихо* и под.).

Двенадцатая когнитивная модель, которая является субмоделью одиннадцатой, — это концептуально-метафорическая модель представления добра как матери (*Добра, добра, да не мать родна* и под.).

Тринадцатая когнитивная модель, которая является субмоделью одиннадцатой, — это концептуально-метафорическая модель представления добра как человека (*Доброта без разума пуста* и под.).

Четырнадцатая когнитивная модель, которая является субмоделью тринадцатой, — это концептуально-метафорическая модель представления добра как человека с высокими нравственными качествами (*Добро поощряй, а зло порицай* и под.).

Пятнадцатая когнитивная модель, которая является субмоделью тринадцатой, — это концептуально-метафорическая модель представления добра как разумного человека (*Доброта без разума пуста*).

Шестнадцатая когнитивная модель, которая является субмоделью одиннадцатой, — это концептуально-метафорическая модель представления добра как растения (*Сей добро, и жди добра* и под.).

Семнадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления добра как хорошей репутации (*Не хвались серебром, а хвались добром* и под.).

Восемнадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления добра как мозоли (*Жалость – со слезами, а доброта – с мозолями*).

Девятнадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления добра как горы (*Следовать добру – взбираться на гору, следовать злу – скользить в пропасть*).

Далее, в соответствии с логикой исследования, было проанализировано 2 модели концептуальных метафор в поговорках, не включающих лексему *добро*, но имеющих соответствующую паремиологическую семантику.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель рассмотрения добра как долга (*Долг платежом красен* и под.).

Вторая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления добра как света (*Светлый человек не делает темных дел*).

На следующем этапе, в соответствии с концепцией исследования, было рассмотрено 6 когнитивных моделей концептуально-метонимического представления этического концепта «добро», отображенных в русских поговорках, включающих компонент *добро*.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей

«доброе дело» (*Доброе дело без награды не остается* и под.). В качестве сложной и многоаспектной ментальной конструкции понятие «добро» этического характера включает в себя достаточно много языковых и когнитивных свойств: *добрые поступки, адресат (получатель добра), адресант (отправитель добра / творитель добра), доброе дело* и пр. Согласно механизму концептуальной метонимии, составляющие концепта «добро» имеют способность замещать целый концепт в мышлении, что отражается и в речи.

Вторая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей «добрый человек» (*Доброго чти, а злого не жалей* и под.). В коллективном языковом сознании носителей русского языка прилагательное *добрый* в субстантивном употреблении способно замещать человека и означать 'тот, кто творит добро и несет его другим'. Это позволяет представить этический концепт «добро» через призму доброго человека (творителя добра и/или отправителя добра) в концептуальной системе русского народа.

Третья когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей «добрые слова» (*Добрые слова дороже богатств* и под.).

Четвертая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей «добрые чувства» (*Добрые чувства – соседи любви*).

Пятая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей «добрый характер» (*Волосы имеем – косы плетем, добрый характер – слезы льем*). В основе метонимического обозначения добра через призму доброго характера лежит и другая когнитивная модель, т.е. концептуальная метафора «добро есть человек». Таким образом, в сознании русского народа понятие «добрый характер» имеет способность замещать самый концепт «добро».

Шестая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения компонентов этического концепта «добро» через призму самого концепта (*Захочешь добра – посыпь серебра*). Здесь слово *добро* является и языковой объективацией одноименного концепта «добро», который замещает его составляющие типа *добрых дел* и *добрых отношений* не только в этой поговорке, но и вообще — в языковом сознании носителей русского языка.

В целом отметим, что в результате анализа когнитивных моделей этического концепта «добро» мы можем выявить некоторые национально обусловленные особенности представлений о добре, отраженных в русской паремиологии. Это прежде всего метафорические модели овеществленного представления добра как реального конкретного вещества, в том числе и специфицированного предмета со своими функциями, одушевленного представления добра как живого существа, и представления добра как долга. В метонимических моделях этический концепт «добро» может не только обозначаться через призму его составляющих типа *доброто дела* и пр., но и замещать эти составляющие.

В разделе 2.2 освещаются особенности когнитивного моделирования этического концепта «зло» в русской языковой картине мира. Основными когнитивными стратегиями (способами, механизмами, методами), служащими в качестве конкретного воплощения когнитивного моделирования зла, как и добра, в языковом сознании носителей языка, являются концептуальные метафоры и метонимии. Они последовательно рассматриваются по данным фразеологии и паремиологии (соответственно, в подразделах 2.2.1 и 2.2.2).

В подразделе 2.2.1 рассматриваются фразеологизмы, включающие в свой состав не только лексему *зло*, но и ее синонимы *лихо* и *худо*, а также фразеологизмы, не имеющие в своем составе указанных слов, но при этом в своем совокупном фразеологическом значении выражают семантику зла.

Сначала, в соответствии с концепцией исследования, было проанализировано 12 моделей концептуальных метафор в фразеологизмах, включающих слова *зло*, *лихо* и *худо*, и их однокоренные слова.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель овеществления абстракции (реификации) этического концепта «зло», (*держат зло на к.-л. и под.*). Концепт «зло» представляет собой пример абстрактной сущности умопостигаемой природы, т.е. не воспринимаемой конкретно-чувственно, посредством сенсомоторных органов. Поэтому, чтобы войти в сферу воспринимаемых явлений на уровне «наивной модели мира», лежащей в основе национальной языковой картины мира, сущности абстрактного типа подлежат обязательному овеществлению.

Вторая когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления зла как реального объекта со специфическими функциями (характеристиками, признаками и атрибутами) (*причинить зло к.-л. и под.*). От первой когнитивной модели, т.е. концепту-

альной метафоры «зло есть реальная конкретная сущность», запечатленной в фразеологизмах типа *причинить зло к.-л.* и выражающей обобщенное представление о зле как о злом поступке, вторая когнитивная модель отличается конкретизацией денотата, обозначенного языковой единицей *зло*.

Третья когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления зла как предмета с признаком ‘тяжесть’ (*волочить зло (на к.-л.)*). В данной модели зло рассматривается как предмет со специальной характеристикой, энциклопедические знания о котором показывают, что перемещение предметов или объектов подобного типа в реальности требует большой силы от человека.

Четвертая когнитивная модель, являющаяся субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления зла как предмета с имплицитной отрицательной оценкой (*выкласть зло (на кого-л.)*). Идиома *выкласть зло (на кого-л.)* имеет следующую семантику: ‘*выругать кого-л. напрасно или выместить зло на ком-л.*’ [Мокиенко, Никитина 2007: 268], что также позволяет рассмотреть зло как предмет с отрицательной оценкой.

Пятая когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления зла как плода (*дерево познания добра и зла*). Этот фразеологизм является библейским, т.е. в свернутой форме эксплуатирует культурный фон всех говорящих по-русски, а именно — их знания религиозно-христианского сюжета о грехопадении Адама и Евы, которая, по наущению искушителя-змея, вкусила яблоко от дерева познания добра и зла. В этом фразеологическом выражении зло представлено в виде конкретного объекта — плода фруктового дерева (типа яблони).

Шестая когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления зла как овеществленного живого существа обобщенного неопределенного типа (*гнать злобу*). В когнитивной модели ситуации «гнать зло», отображенной именно в этих идиомах, отправитель зла (адресант) гонит зло в сторону получателя зла (адресата), в связи с чем последнему наносится вред, как психологический, так и физический.

Седьмая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель одушевления зла (*нагонять зло* и под.). Концептуальная метафора «зло есть зверь» связана с эмпирическим опытом русского народа, потому что в

древности когнитивная ситуация «гнать зверя» часто происходило в повседневной жизни с целью обеспечения безопасности людей.

Восьмая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как контейнера (вместилища) (*употреблять во зло*). В языковом сознании русского народа познание абстрактных концептов типа зла осуществляется часто в терминах контейнера, потому что вместителища какого-либо содержимого представляют собой наглядные, чувственно воспринимаемые сущности, это настолько обычное явление в повседневной жизни, что не нуждается в специальном определении и логическом осмыслении.

Девятая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как жидкого вещества (*хлебнуть лиха*). Несмотря на факт, что в повседневной жизни вода играет немаловажную роль для человека и остальных живых существ, необходимо указать на вредность воды для человека: если он пьет слишком много воды, в количестве значительно превышающем условную норму, ему наносится ущерб, как физический, так и психологический (ср. русский глагол *захлебнуться*).

Десятая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как испорченной еды (*хватить лиха*). Из опыта этнического восприятия действительности довольно хорошо известно, что еда совместно с водой и воздухом является необходимым элементом для существования человека, поэтому совершенно естественно использовать для номинации абстрактных концептов гастрономический код.

Одиннадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как товара (*почем фунт лиха*). В русском языке слова *почем* и *фунт* используются для номинации фрейма «продажа и покупка товаров» с целью описания целостного процесса обмена товаров, что позволяет нам выявить модель концептуальной метафоры «зло есть товар». Другими словами, зло получает возможность количественного измерения.

Двенадцатая когнитивная модель — это концептуально-концептуальная модель представления зла как неправильного направления (*не на лиха*). Вообще говоря, идея направления движения является одним из наиболее интуитивно ясных для людей представлением — эмпирическим феноменом. Языковым сигналом для подобной интерпретации служит использование пространственных предлогов типа *на*. В основу данной модели положен эмпирически наблю-

даемый факт, что если люди движутся по неправильному направлению, то у них в конце концов ничего хорошего не получится.

Далее, в соответствии с логикой исследования, было проанализировано 4 модели концептуальных метафор в фразеологизмах, не включающих лексемы *зло*, *лихо* и *худо*, но имеющих соответствующую фразеологическую семантику.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «зло» как дьявола (*нечистая сила*).

Вторая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как реального живого существа (*зверь зверем* и под.).

Третья когнитивная модель, которая является субмоделью второй, — это концептуально-метафорическая модель представления зла как змеи (*змея лютая* и под.).

Четвертая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как образа физического действия (*держат за горло*).

В целом отметим, что в результате анализа когнитивных моделей этического концепта «зло» мы можем говорить о национальных особенностях некоторых представлений о зле, отображенных именно в русской фразеологии. Это прежде всего модели овеществленного представления зла как чувственно воспринимаемого конкретного вещества, в том числе и специфицированного предмета с собственными функциями, представления зла как жидкости, представления зла как мифологического образа, одушевленного представления зла как реального живого существа, и метафорической конкретизации зла как образа физического действия.

В подразделе 2.2.2, как и в предыдущем подразделе 2.2.1, анализируется два типа паремиологических единиц, соответственно, включающих лексемы *зло*, *лихо* и *худо* в свой состав или нет.

Сначала, в соответствии с концепцией исследования, было рассмотрено 13 моделей концептуальных метафор в поговорках, включающих слова *зло*, *лихо* и *худо*, и их однокоренные слова.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель овеществления абстракции (реификации) этического концепта «зло» (*Лихо не берет* и под.).

Вторая когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления зла как денег (*За добро платят злом* и под.).

Третья когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как малоценного предмета (*Добра, что клада, ищут, а худо под рукой*).

Четвертая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как товара (*Добро на худо не меняют*).

Пятая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как неправильного направления (*Никакое худо до добра не доводит* и под.).

Шестая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как гладкой поверхности (*Следовать добру – взбираться на гору, следовать злу – скользить в пропасть*).

Седьмая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как острого предмета (*Ищущий добра на зло натывается*).

Восьмая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель одушевления этического концепта «зло» (*Благородный человек не помнит старого зла* и под.).

Девятая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как человека (*Добро ищи, а худо само придет*).

Десятая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как проигравшего (*Добро худо переможет*).

Одиннадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как шумного живого существа (*Добро не лихо: бродит по миру тихо* и под.).

Двенадцатая когнитивная модель, которая является субмоделью восьмой, — это концептуально-метафорическая модель представления зла как растения (*Всякий, посеявший семена зла, открывает ворота своей гибели*).

Тринадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как места, точки в пространстве (*Кто зла отлучится, тот никого не боится*).

Далее, в соответствии с концепцией исследования, было проанализировано 3 модели концептуальных метафор в паремиях, не включающих слова *зло*, *лихо* или *худо*, но имеющих общую образно-метафорическую семантику, связанную со злом.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как дурных плодов (*Не бывает того, чтобы хорошее дерево принесло дурные плоды*).

Вторая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как образа физического действия «ступить ногой» (*Где ногой ступит – трава не растет*).

Третья когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как змеи (*Змея кусает не для сытости, а ради лихости*).

На следующем этапе, в соответствии с логикой исследования, было рассмотрено 3 модели концептуальных метонимий в поговорках, включающих слова *зло*, *лихо* и *худо*.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «зло» через призму его составляющей «злой человек» (*Доброго чти, а злого не жалей* и под.). Концепт «зло» также имеет комплексное устройство. Это обуславливает возможность концептуализировать зло посредством замещения общего понятия конкретным, представляющим его часть, атрибут или компонент. Так, применительно к концепту «зло» основными конкретизаторами выступают адресант зла или адресат зла — те, кто творит зло, и те, в отношении кого творится зло.

Вторая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «зло» через призму его атрибута «злая воля» (*Злая воля заведет в неволю*). Данная модель основывается на первой модели, потому что воля выступает как исключительно свойство человека, она является способностью человека принимать решения на основе мыслительного процесса и направлять свои мысли и действия в соответствии с принятым решением. Если составляющая «злой человек» может замещать самый концепт «зло», то и дальнейшие конкретные репрезентанты злого человека тоже могут обозначать зло в целом в концептуальном плане и в языковом плане.

Третья когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «зло» через призму его атрибута «злое дело» (*От доброго не бегай, а худого не делай* и под.). Данная модель тоже может быть отнесена к первой модели, потому что злое дело совершается только злыми людьми. С когнитивно-классификационной точки зрения данная модель находится на базовом категориальном уровне. Также отметим, что в этих погов-

миологических единицах субстантивированное прилагательное *худой* среднего рода представляет собой языковое воплощение понятия «злое дело».

В целом отметим, что в результате проведенного анализа когнитивных моделей этического концепта «зло» мы имеем возможность говорить о национальной специфике некоторых представлений о зле, выраженных в русских поговорках. Это прежде всего модели овеществленного представления зла как реального конкретного предмета, в частности специфицированного предмета с конкретной функцией, одушевленного представления зла как живого существа со специфицированными признаками, пространственно ориентированного представления зла как неправильного направления, дурного места и гладкой поверхности, и представления зла как образа физического действия. В моделях концептуальных метонимий этический концепт «зло» обозначается через призму его атрибутов типа *злого человека* и пр.

В **заключении** содержатся основные результаты, выводы и перспективы исследования. Проанализированный материал позволяет заключить, что в русских фразеологизмах и поговорках, репрезентирующих русские этические концепты «добро» и «зло», отражаются как приметы национальной духовной и материальной культуры, реалии среды обитания этноса, так и определенные форматы знания о мире, модели языковой ментальности, представляющие собой определенные способы видения абстрактных понятий через конкретно-чувственный опыт их переосмысления. Также проведенный анализ позволяет наметить дальнейшие перспективы исследования, которые связаны с расширением исследовательской базы за счет включения сопоставительного исследования фразеологической и паремиологической репрезентации этических концептов «добро» и «зло», соответственно, в русской и в китайской лингвокультурах.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

А. Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Ван Тяньцзяо. Модели концептуальной метафоризации в русских фразеологизмах с компонентом «добро» // Когнитивные исследования языка. — 2019. — Выпуск XXXVII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике. — С. 1035-1040.

2. Ван Тяньцзяо. Модели концептуальной метафоризации и метонимизации в русских фразеологизмах с компонентом «добро» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2019. — № 5. — С. 209-213.

3. Ван Тяньцзяо. Когнитивные модели в русской паремиологии с компонентом 'добро' // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2020. — № 4. <https://sfk-mn.ru/PDF/01FLSK420.pdf>.

4. Ван Тяньцзяо. Когнитивная интерпретация этических концептов «добро» и «зло» как категорий базового уровня // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2020. — № 6. — С. 135-139.

5. Ван Тяньцзяо. Модели концептуальных метафор этического концепта «зло» в русской фразеологии // Балтийский гуманитарный журнал. — 2021. — Т. 10. — № 1 (34). — С. 327-330.

Б. Публикации в других научных зданиях:

6. Ван Тяньцзяо. Когнитивные модели концептуальной метафоризации в китайской фразеологии с компонентом «добро» // Китайская лингвистика и синология: Тезисы докладов международной конференции. — М.: РГГУ, 2019. — С. 29-32.

7. Ван Тяньцзяо. Модели концептуальной метафоризации в категоризации этического понятия «добро» на материале русской паремиологии // Русистика в XXI веке: тенденции и направления развития. Международная научная конференция. Сборник статей. — Ереван: Изд-во ЕГУ, 2019. — С. 145-150.

8. Ван Тяньцзяо. Лингвокультурное понимание этического концепта «добро» через модели концептуальной метафоризации на материале фразеологизмов // Вариативность и стандартизация языкового образования в неязыковом вузе: сборник статей по материалам II Международной научно-практической конференции, (23-24 апреля 2019 г.). — Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2019. — С. 287-291.

9. Ван Тяньцзяо. Модели концептуальной метафоризации в русских фразеологизмах с компонентом добро // Русское слово в многоязычном мире: Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ (г. Нур-Султан, Казахстан, 29 апреля – 3 мая 2019 года). — СПб.: МАПРЯЛ, 2019. — С. 410-415.

10. Ван Тяньцзяо. Когнитивная интерпретация этического концепта «зло» в русской фразеологии // Языковые единицы в свете современных научных парадигм: материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Уфа, 18 декабря 2020 г.) / отв. редактор Р.А. Газизов. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. — С. 239-244.

11. Ван Тяньцзяо. Когнитивные модели этических концептов «добро» и «зло» в русской фразеологии // Новый человек в международной политике. — № 57 (101). — Том. 6. — Ноябрь-декабрь 2020 г. — С.22-25.

12. Ван Тяньцзяо. Когнитивные модели в русской паремии с компонентом “Добро” и “Зло” // Проблемы и перспективы современной гуманитаристики: педагогика, методика преподавания, филология: сборник материалов международной научно-практической конференции. — Андижан-Ташкент, 2021. — С. 325-329.

Подписано в печать 31.03.2021 г. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 1. Заказ № 91. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского.
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37